

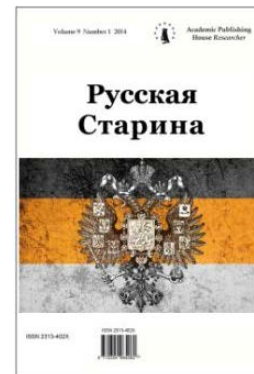
Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 15, Is. 3, pp. 194–207, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.15.194

www.ejournal15.com

The Cossacks of the Southern Russia in the Second Half of the 19th – the Early 20th Centuries

UDC 94(47).081

Kazakomanstvo. Don case (the 1860s). Part III¹

Alexey A. Volvenko

Taganrog Institute Named after A.P. Chekhov (Branch of the Rostov State University of Economics (RINH)), Russian Federation
46, Initsiativnaya Street, Taganrog, Rostov Region, 347936
PhD (History), Associate Professor
E-mail: avolvenko@mail.ru

Abstract

The paper analyzes landmark texts for the “Cossack-mania” trend by I.I. Krasnov, A.A. Leonov, Kh.I. Popov. These works touch upon the issue of “the Cossack nationality”. The research reveals the details of the correspondence of D.A. Milyutin and the army nakazny ataman P.H. Grabbe concerning the “capture” of the Don Army Sheets by the “party of isolation”. The research results are presented.

Keywords: “Cossack nationality”, non-residents, army circle, Don separatism.

Статья генерала И.И. Краснова «О народности в войске Донском» вышла в апрельской книжке (№ 4) «Военного сборника» за 1862 г., т.е. можно утверждать, что она готовилась практически одновременно с первой публикацией «Усть-Медведицкого дворянина». «О народности в войске Донском» – достаточно объемная работа, написанная не без литературного изыска, рассматривает проблему присутствия иногородних на Дону, свободного входа в казачье сословие и выхода из него в исторической ретроспективе [1].

Свою статью Краснов начинает с безапелляционного утверждения: «После многих споров и противоречий в русской литературе признанно несомненным, что войско донских казаков, за исключением весьма немногих татар и других иностранцев, составилось первоначально из русских выходцев». Далее, по мнению генерала, с XVI в. на Дон «беспрерывно» попадали «русские и другие выходцы», пополняя ряды донского «воинства». Ситуация относительно свободного перемещения (в войско и из него) меняется после результатов деятельности Комитета об устройстве Донского войска 1819 г., перед которым была поставлена задача «запретить принимать в донскую службу людей не казачьего происхождения, равно и казакам переходить куда-либо из войска». Признавшись в том, что подлинные причины такого поворота, «противоречившего всей исторической

¹ Начало в журнале «Русская старина», 2015, № 1 (с. 19–37), № 2 (с. 94–107).

жизни донского края», ему неизвестны, Краснов все же предлагает свое объяснение «запретительной» деятельности комитета. «Сколько мы припоминаем, – пишет генерал, – около 20-х годов (XIX в. – А.В.) некоторые русские литераторы пустили в свет мнение, что донские казаки имеют свое, не-русское происхождение и указывали на возможность выхода их из древнего Тмутараканского княжества, где будто бы проживали они, смешавшись с черкасами, во все время татарского преобладания над Россией. Это мнение в свое время было на Дону модное, и его тогда в особенности разделяла образованная молодежь наша, которой, Бог весть почему, казалось поэтичнее происходить от каких-либо очеркешенных тмутараканцев, чем от православного русского народа. Мнение это было усвоено и некоторыми членами комитета, более других влиятельными». Краснов также упоминает о распространенном в русской армии после 1812 г. «поверии о врожденных способностях казаков и предубеждении об особенностях их породы». Такие суждения, по версии генерала, привели к незримому запрещению входа в казачье сословие и выхода из него «для сбережения чистой казачьей крови», к формированию «убеждения, что замкнутость войска Донского необходима для поддержания в нем элементов народности». В итоге со временем «даже многие из донцов начали считать своею привилегией исключительное для них право – служить в войске».

Далее Краснов переходит к разъяснению позиции тех, кто «в запретительных мерах не видят пользы». Для генерала является «неоспоримым» тот факт, что «главная привилегия войска Донского состоит в особенном образе служения его». Однако эта служба имеет ряд трудностей, «преодоление которых требует особенных способностей». В то же время для Краснова очевидно, что «природа никогда не производит всех людей с одинаковыми склонностями», а всякому обществу, в том числе и донскому, «нужны и ученый, и художник, и купец, и всякого рода мастеровой, больше же всего земледелец». В связи с этим генерал задается естественным вопросом: «Каким же образом можно требовать, чтобы все жители обширной области, которая давно уже знакома с гражданской жизнью, имели стремление к одному военному ремеслу?» Прямого ответа на свой же вопрос Краснов не дает, но отталкиваясь от утверждения, что «казачья служба нужна не для войска Донского, а для всей России», он предлагает активно привлекать «молодых волонтеров» из русских дворян в казачество. Такая мера не только разовьет «естественным образом соревнование» в казачьей среде, но, главное, будет способствовать появлению «свободных от военной службы казаков, которым представится возможность посвящать себя другим занятиям по своему выбору». Краснов отвергает опасения, что подобная политика приведет к уничтожению войска, т.к. процедура принятия в казачество будет обставлена определенными требованиями, а желающих исключиться из казачьего сословия «много не окажется» из-за «любви» донцов к своей родине.

Затем генерал критикует мнение тех, кто считает казаков «анахронизмом», и приводит различные доводы в пользу необходимости казачества, донского в частности, и его службы для русской армии и престола, как бы упреждая обвинения в свой адрес, что он «желает превратить» Землю Войска Донского (далее – ЗВД) в губернию или «уничтожить» донское казачество.

В заключение Краснов обращается к негативному, как он считает, австрийскому опыту национальной политики, состоящему «из многих затруднений», и противопоставляет его эффективной российской практике «обрусения». После чего генерал задается очередными вопросами: «Для чего же теперь созидать народность искусственную? Для чего область, населенную людьми чисто русскими или совершенно обруселыми, которые говорят русским языком и исповедуют русскую веру, для чего держать ее таким особняком, заграждать всякие пути из нее к отечеству и обратно и уничтожать связи, которые могут ближе скрепить наш родственный с ним союз?» В рукописном и, вероятно, первоначальном варианте статьи Краснов отвечает на свои же вопросы следующим образом: «Разве для того, чтобы внушить каким-либо горячим мечтательным головам дикую мысль об отдельности существования и тем наделать хлопот, которые повлекут к гибели несчастные жертвы заблуждения и принесут вред государству» [2]. Однако такой ход генеральской мысли, возможно, пришелся не по душе редактору или цензору, и ответ не попал на страницы «Военного сборника». Зато был оставлен пафос последнего предложения генерала, горячо

вопрошавшего о том, «...чтобы общая мать наша, Россия, не изобретала для них (донских казаков. – А.В.) особенной народности».

Что же заставило И.И. Краснова взяться за перо? В отличие от недвусмысленного предложения для первой публикации «Усть-Медведицкого дворянина», собственного признания Краснова, сделанного в 1865 г. на страницах «Современной летописи», о том, что рост отчуждения в Новочеркасске между коренными и иногородними чиновниками подтолкнул его написать статью «О народности...» [3], как нам кажется, будет все же недостаточно для объяснения причин ее появления. Здесь, думается, должны быть учтены еще и следующие обстоятельства. Благодаря личной дружбе с А.П. Чеботаревым – заместителем начальника Управления иррегулярных войск Военного министерства – И.И. Краснов являлся, пожалуй, одним из самых осведомленных о «петербургских делах» донским генералом. Мы убеждены, что в 1862 г. он уже знал о векторе планируемых казачьих реформ. В то же время И.И. Краснов как окружной генерал 4-го военного округа ЗВД и как глава красновского семейства, очевидно, должен был быть в курсе инициированных в начале 1862 г. А. Мелиховым дебатов о земле и иногородних среди чиновников Новочеркасска. Не исключено, что он располагал информацией и о записке А.М. Дондукова-Корсакова. Провал мелиховского предложения, консерватизм позиции начальника штаба войска Донского могли насторожить либерально мыслящего генерала. Однако независимо от повода(ов) статья Краснова явно была адресована в первую очередь «внешнему» читателю. Об этом говорит выбор издания – напомним, «Военный сборник» не являлся популярным журналом среди донских казаков в 1860-х гг., но зато он пользовался авторитетом за пределами Дона в широких не только военных, но и гражданских кругах преимущественно Санкт-Петербурга и Москвы. Да и содержание статьи можно интерпретировать как своеобразное обращение к центральной власти, чтобы она более решительно шла по пути реформ, преодолевая замкнутость казачества, отталкиваясь от старых представлений о нем, как демонстрацию того, что на Дону есть представители казачества, разделяющие прогрессивные идеи предстоящих преобразований, и как предупреждение о том, что если не провести реформы в казачьих войсках, то можно получить проблему с казачьей «народностью» в австрийском варианте «национальной» политики. Позднее И.И. Краснов напишет, что его статью «О народности...» неправильно истолковали, а его самого обвинили в желании «выслужиться перед правительством» [4]. Действительно, критический ответ на работу И.И. Краснова довольно быстро появился в «Донских войсковых ведомостях» (далее – ДВВ). Он оказался единственным в местной печати, и в нем и намек не было на обвинения в «выслуживании» Краснова, об этом, наверное, ему говорили в личных беседах.

Автором критической статьи под названием «Как поступали в казаки?» [5] стал известный на Дону педагог, поэт и чиновник А.А. Леонов (1815–1882). Его роль в общественной и интеллектуальной жизни Дона середины – второй половины XIX в., как нам представляется, до сих пор не получила должной оценки в исторической литературе. А она была велика. Алексей Алексеевич Леонов имел казачьи родовые корни и хорошее по тем временам образование. После окончания Харьковского университета он с 1840 по 1865 гг. преподавал в различных образовательных учреждениях войска Донского, в последние годы являясь учителем русского языка и географии в Новочеркасской гимназии и Мариинском донском институте. Преподавательскую деятельность Леонов совмещал с исследовательской в Донском статистическом комитете, членом которого состоял, и литературной, сочиняя стихи и публикуя статьи на исторические темы в местных ведомостях. Исторические воззрения Леонова представляют определенный интерес, и они вполне достойны отдельного изучения.

Отметим только несколько принципиальных положений в видении Леоновым прошлого казачества, необходимых для более глубокого понимания его позиции в отношении статьи Краснова. В речи «О пособиях для изучения войска Донского», произнесенной 12 августа 1854 г. «на торжественном акте Новочеркасской гимназии», он не только впервые в историографии дал критический обзор имеющейся литературы о донском казачестве, но и выступил против концепции Н.Г. Устрялова, изложенной в его популярном гимназическом учебнике и утверждавшей, что в низовьях Дона «образовались казачьи общества в виде особенного народа и что народ казачий возник из слияния разноплеменных людей». По мнению Леонова: «...не только народ казачий не возникал

никогда из слияния разноплеменных людей, но даже **никакого народа казачьего нет и никогда не бывало** (выделено нами. – А.В.). То, что историки принимают за особенный народ – казаков, в отношении к донцам есть только особенное, частное проявление отдельной массы русского народа, историческая корпорация, община, образовавшаяся не случайно, но вследствие исторической необходимости...» [6]. Важно, что с годами взгляды Леонова существенно не изменились. В знаковой для темы казачьего самоуправления статье, ставшей источником вдохновения для многих будущих казачьих писателей, под названием «Войсковой круг» [7] Леонов обозначил свою позицию по отношению к текущей преобразовательной деятельности правительства. Для этого он в качестве эпиграфа привлек известные слова М.Н. Каткова из его знаменитой работы «К какой мы партии принадлежим?» (1861): «Истинно прогрессивное направление должно быть в сущности консервативным, если только оно понимает свое назначение и действительно стремится к своей цели. Чем глубже преобразование, чем решительнее движение, тем крепче должно держаться общество тех начал, на которых оно основано и без которых прогресс обратится в воздушную игру теней. Все, что будет клониться к искоренению какого-нибудь существенного элемента жизни, должно быть противно прогрессивному направлению... Истинным предметом хранения должны быть не формы, а начала, которые в них живут и дают им смысл» [цит. по: 8]. Для Леонова идея войскового круга и опыт его существования – это те самые «начала» казачества, которые не только нужно сохранять, но и развивать, например, в новом проекте станичного управления, активно обсуждавшемся на страницах ДВВ в течение всего 1862 и начала 1863 гг. В этой же статье он вновь обращается к «природе» казачества, считая, что «когда Москва окончательно утвердила власть над всею русскою землею... в глухих степях придонских сошлась горсть людей вольных, свободномыслящих, свободнодействующих, людей известных под именем казаков». «Казак, – восклицает Леонов, – слово магическое! Казак, прежде всего, синоним свободы, братства, равенства и уже потом синоним удалства и молодчества» [9]. С таким идейным багажом Леонов приступает к разбору главной мысли И.И. Краснова о существовании в войске Донском до XIX в. свободного входа в казачье сословие и выхода из него. В самом начале статьи «Как поступали в казаки?» Леонов выдвигает центральный тезис, который затем последовательно раскрывает с привлечением различных архивных источников: «Совершенной свободы вступления в Войско, в звание казака, никогда не было. Правда, *приходить на войсковую территорию, проживать и даже селиться в пределах Войска в продолжение неопределенного времени* (курсивом выделено в оригинале текста. – А.В.), за исключением некоторых случаев, никому не воспрещалось. Но это дело другое; это совсем не то, что *вступить в Войско и сделаться казаком*, пользуясь соединенными с тем личными и поземельными правами. Это последнее не зависело от воли каждого, от личного желания всякого пришельца, волею или неволею зашедшего на Дон! Войско принимало к себе, в число своих членов, только того, кого оно само *хотело принять*; давало звание казака тому, кому оно можно было дать и кого оно считало достойным того» [10].

В отличие от Краснова, убежденного в том, что запрет на вход в казачье сословие и выход из него стал постепенно формироваться с начала XIX в., Леонов, наоборот, обнаруживает полную уверенность, что «свободное вступление... вступление тайком (если не воровски), никого не спрашиваясь, началось весьма недавно, именно с того времени, когда войсковой круг потерял свое значение и когда войсковой атаман стал значить для Войска все, взял на себя всю его волю». Он также сознательно обходит стороной вопрос о «пользе или вреде вступления в казачество», который, напротив, детально разбирает Краснов. Здесь Леонов позволяет сарказм в отношении своего оппонента, называя его «достопочтенным защитником свободного вступления в казаки всякого встречного и поперечного» и высказывая сомнения в том, что Краснов «вполне уяснил себе все те последствия, какие могут произойти от приведения в исполнение его желаний» [11].

Критические замечания Леонова не помешали неизвестному автору «Военного сборника» (1863) при обзоре публикаций журнала за 1859–1862 гг., посвященных иррегулярным войскам, назвать Краснова «правдивым и образованным казаком», сумевшим затронуть важный для казачества и вполне «современный» вопрос «о народности в войске Донском». При этом данный автор соглашается с мнением генерала о том, что «поборники старых порядков видели и видят в замкнутости Донского войска залог для

поддержания в нем народности» [12]. Возможно, на аргументацию журналиста «Военного сборника» дополнительно повлияла еще одна статья И.И. Краснова, о которой мы уже вскользь упомянули ранее. В четвертом номере «Русского инвалида» за 1863 г. И.И. Краснов, подписавшийся «К.», в статье «Письма с Дона», датируемой декабром 1862 г., не только сообщил о «захвате» местных ведомостей «партизанами замкнутости», но и охарактеризовал их т.н. идейную платформу. По мнению генерала, защитники «замкнуто-кастического состояния» казачества мечтают о восстановлении «значения войскового круга» и «иных войсковых обычаев» и выступают против приема «иногородних... в казачью народность». Не скрывая эмоций, Краснов особенно резко раскритиковал последнее положение: «Да разве донские казаки принадлежат особой какой-либо народности? Уж не особое ли племя они составляют? Каким же языком они говорят? Какую веру исповедуют? Вот вопросы, которыми засыпал бы каждый незнакомый с историей России; но кому эта история знакома, тот скажет: какой народности, кроме русской, хотите вы отыскать у русских, из которых состоят донские казаки? Если есть в их числе личности, имеющие предков других наций, то это случайности, встречаемые в каждой губернии; говорят они по-русски, веру исповедуют исключительно православную, есть раскольники разных толков: одним словом, все как в других губерниях; но каждого вновь приехавшего на Дон странно поражает название – русский, которое относят к приезжему из других губерний. Называя русскими лиц, не принадлежащих к войсковому сословию, жители Тихого Дона как бы хотят показать тем, что себя не считают русскими» [13].

Далее он обвинил «партизан замкнутости» в «тупом упорстве», «в парализовании... правительственных распоряжений, уже обязательных к исполнению», «в распускании ложных толкований на самые благонамеренные предположения к улучшениям и в скрытии... действительной сущности этих предположений»; «в привлечении на свою сторону лиц влиятельных, по крайней мере, кажущихся таковыми, лестью, приманкой популярности, овациями в их пользу...» [14]. Статью Краснова предваряло небольшое вступление, в котором сообщалось, что в газете знают о разделении казаков на два лагеря из-за составления нового положения о войске Донском и что редакция готова принимать в свои столбцы «мнения обеих партий». Как свидетельствует известный писатель и журналист XIX в. Е.М. Феоктистов, бывший в начале 1860-х гг. сотрудником «Русского инвалида», его «редактор должен был неуклонно каждый день к 9 часам вечера приезжать к нему (Д.А. Милютину. – А.В.) и представлять на его усмотрение все сколько-нибудь выдающиеся статьи; как бы ни был занят Милютин, у него всегда хватало времени весьма внимательно заняться ими; он дорожил “Русским инвалидом” как самым удобным средством распространения известного рода идеи не только в военном сословии, но и вообще в публике» [15]. Думается, что «Письма с Дона» Краснова вряд могли остаться незамеченными Милютиным и наряду с письмом Робуша, а может быть и в первую очередь, стали поводом для упомянутого обращения министра к войсковому наказному атаману (далее – в.н.а.) П.Х. Граббе с требованием разобраться в ситуации с местной прессой.

Как мы писали ранее, редакция ДВВ довольно оперативно отреагировала на публикацию Краснова в «Русском инвалиде», заявив о категорическом несогласии с ее содержанием. Также мы выяснили, что абсолютного доминирования каких-либо авторов в «Донских ведомостях», по крайней мере до конца 1862 г., не было. Мало того, сын И.И. Краснова Николай дважды в течение этого же года печатал в ведомостях отрывки из своей будущей книги [16]. Дискуссии на страницах ДВВ действительно велись, обострились они с начала 1862 г., захватив первую половину 1863 г., и развивались по нескольким направлениям, в том числе – по линии обсуждения проекта о станичном управлении, подготовленного местным комитетом по пересмотру войскового положения, которое не было нами подробно рассмотрено. Однако ни в одной из статей подобного рода мы при самом внимательном их прочтении не заметили прямых и недвусмысленных рассуждений о существовании «казачьей народности», особого казачьего языка, отдельной и специфичной истории донского казачества. Можно, конечно, предположить, что И.И. Краснова к написанию «Писем...» подтолкнули известные ему результаты непечатной полемики по вопросам, активно обсуждаемым донским обществом с начала 1862 г. Эти результаты, очевидно, добытые И.И. Красновым как в частных беседах, так и на

торжественных мероприятиях, наряду с его интерпретацией исторических воззрений А. Леонова, в том числе критических по отношению к статье «О народности в войске Донском», а также идейными разногласиями с давним другом И.С. Ульяновым и семейными материальными интересами вполне могли стать основой дискурсивного сценария последующих текстов И.И. Краснова.

Своеобразным ответом на эксплуатацию темы «казачьей народности» «Военным сборником» и «Русским инвалидом» стала статья Х.И. Попова (подписывался «Х.П.») – члена комитета по пересмотру войскового положения – «Мысли казака о казачестве по поводу современных слухов» [17]. Кажется, это была всего лишь вторая публикация Харитона Ивановича Попова (1834–1925), который, имея только казачье домашнее образование, с начала 1860-х гг. так удачно совмещал чиновную карьеру с журналистской и историко-краеведческой деятельностью, что практически не сходил с пьедестала общественной жизни Дона, оказавшись директором первого Донского музея в Новочеркасске, а затем редактором «Донских областных ведомостей» в начале XX в. Современный исследователь Б.С. Корниенко в своей блестящей монографии «Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914)» отводил Х.И. Попову значительную роль в формировании «Донского союза националистов» в 1912 г. [18]. В связи с этим очевидна важность первых работ Х.И. Попова, носящих общественно-политический характер. Тем более что в «Мыслях казака...» содержится набор казачьих требований к правительству 1863 г. от будущего «казачьего националиста» начала XX в.

«Мысли казака...» – это своеобразные ответы на воображаемые вопросы, не всегда артикулируемые в самом тексте, но которые, по мнению Попова, витают в обществе и в печати. В первых же строках на вопрос, почему казаки «так крепко стоят за свои права и привилегии», он дает лаконичный ответ: «потому, конечно, что Дон и свобода казачества приобретена предками нашими, дорогой ценою, ценою... крови». Далее Попов в основном касается темы своеобразия казачества, как бы оппонируя красновскому взгляду на его «природу». Он утверждает, что «наша история, быт наших предков выработали много такого, чего другие сословия в Русском государстве не имеют», и не отвергает того, что «казаки – племя русское, лишь с примесью других элементов; но оно сложилось при других обстоятельствах жизни, имевшей свою особенность против жизни русских крестьян». Для Попова большое значение имеют т.н. «другие элементы», которые он живописно обрисовывает, например, вот так: «Станицы наши далеко не то, что бедные русские селения; опрятность одежды простых казаков, особенно праздничной, резко отличается от одежды мужиков-селян; самый говор казаков резко отличается от говора поселян соседних губерний; народные песни казаков отличаются своей особенностью – в одних прославляются военные подвиги донцов – в других наш быт; прислушайтесь к любому кружку свободных казаков, услышите рассказы или из боевой походной жизни, или рассказы из исторического быта войска, а в настоящее время услышите везде горькое сожаление о... реформе нашего быта». Завершая статью, Попов разъясняет настоящие, с его точки зрения, пожелания казаков по поводу планируемых правительством преобразований:

- «1. Казаки... желают оставаться казаками;
2. Ожидают улучшения своего быта... без всякого нарушения принципа казачества... но [желают] сокращения срока обязательной службы, наравне с другими чинами регулярных войск, т.е. до 12 лет военной и 3 лет внутренней по войску службы;
3. Чтобы комплект полков наших, посылаемых на внешнюю службу, по численности чинов равнялся военным силам, выставляемым от других сословий государства;
4. Оставить в войске ненарушимость образа служения, а по внутреннему управлению и выборное право, с предоставлением... участия в этом и общему сословию казаков;
5. Оставить неприкосновенность всех земель юртовых и войсковых;
6. Оставить за казаками личную свободу от государственных податей;
7. Сделать исключение... для людей, получивших специальные ученые познания... и ученых и художников, получивших воспитание на собственное иждивение, предоставить полную свободу от службы казакам и урядникам, желающим заниматься торговлей... с платой пошлины в военный капитал...
8. Увеличить средства к образованию... открыть университет» [19].

Конечно, если несколько вольно интерпретировать слова Попова о «других элементах» и «желании оставаться казаками», то, пожалуй, в них можно разглядеть намеки на «казачью народность», одновременно предположив наличие похожей фантазии у ограниченного круга читающих Попова и ДВВ современников. Однако мы все же склонны считать, что И.И. Краснов и М.И. Краснов сознательно вводили в заблуждение своих потенциальных читателей, приписывая оппонентам заботу о чистокровности «казачьей расы», сбережении «казачьей народности», всячески подталкивая просвещенную (в основном столичную) публику к выводам о том, что донское казачество находится в опасном шаге от сепаратизма или уже вступило в него. Тем самым Красновы преследовали свои интересы, возможно и разнонаправленные, но замешанные, например, на желании обеспечить семейный материальный достаток или на удовлетворении ущемленного чувства личного достоинства. Именно в таком контексте, на наш взгляд, следует понимать слова неизвестного современника, который так оценил дискуссии по вопросу об иногородних и земельном праве на Дону в начале 1860-х гг.: «Запретительного закона на продажу имений иногородним не было никогда, а выпросило его со злым, разумеется, намерением против поместных Соединенное присутствие 1848 г., в котором, как известно, самым задорным членом был Ульянов; что поборники этого закона просто демагоги. Другой господин... достигнув седьмого десятка лет (вероятно, А. Мелихов. – А.В.), начал, разумеется, бескорыстно уверять, что он до сих пор (значит, по неопытности) ошибочно думал о существовании этого закона, только теперь (накопивши с зятем (здесь, вероятно, имеется в виду М.И. Краснов. – А.В.) деревню мертвых душ) прозрел, что закон выдуман членом Соединенного присутствия из зависти к богатым и потому что члены эти ком[м]унисты, – слышите ли, ком[м]унисты... Третий доброжелатель казаков... (мы убеждены, что говорится об И.И. Краснове. – А.В.) разглашает, что Ульянов и [Ко] даже замышляют об отделении Войска от России?!» [20].

В связи с этим проясняется, кажется, истинный смысл следующих двух цитат И.С. Ульянова из его переписки с известным публицистом и издателем И.С. Аксаковым в 1865 г.: «Не можете представить, какому дикому толкованию подвержена самая миролюбивая, самая законная оборона прав и жизни донцов!»; «пресловутая гласность, о которой напето столько похвал, очевидно, не для всех писана и нередко служит только средством для распространения самой крупной лжи в угоду какому-нибудь сильному общественному деятелю» [цит. по: 21].

О неоднозначной ситуации вокруг «Донских ведомостей», риторике газетных и прочих публикаций наверняка был осведомлен в.н.а. П.Х. Граббе. Здесь мы возвращаемся к обещанному сюжету о реакции атамана на письмо Д.А. Милютинина по поводу «захвата» местной прессы. В течение всего 1863 г. между Граббе и Военным министерством шла оживленная переписка, в которой присутствовали примеры какой-нибудь очередной «дерзости» со стороны ДВВ и попытки в.н.а их как-то объяснить. Особенно детально Граббе был разобран случай размещения на страницах ДВВ приговора новочеркасского станичного общества против строительства Грушевской железной дороги, затем перепечатанного рядом столичных изданий [22]. О приговоре, как и о происшествиях, связанных с нанесением ущерба казаками железной дороге, стало известно Александру II, и это послужило поводом для Д.А. Милютинина в июне 1863 г. призвать местные власти не только разобраться с актами вандализма, но и «установить самую строгую цензуру над Донскими ведомостями» [23]. С реализацией последнего требования Граббе, кажется, не спешил. В августе 1863 г. уже министр внутренних дел П.А. Валуев в письме к Д.А. Милютинину сообщил о «незаконности» появления в ДВВ статьи, в которой станичный атаман обвинялся в противоправных действиях. А 21 ноября 1863 г. до военного министра было доведено заключение Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания по поводу еще одной статьи в ДВВ, противоречившей «цензурным правилам» [24]. Видимо, получение последнего заключения переполнило чашу терпения руководства Военного министерства, и 30 ноября 1863 г. Д.А. Милютинин и начальник Управления иррегулярных войск (далее – УИВ) Н.И. Карлгоф поставили перед Граббе задачу «заменить состав редакции ведомостей» и «прекратить печатание статей, в коих разбираются распоряжения правительства и действия должностных лиц» [25]. С 1864 г. публикация в ДВВ статей т.н. «неофициального характера» была прекращена, однако И.П. Прянишников в газете остался (!), и на

протяжении всего года он размещал на ее страницах акты, грамоты и другие источники по истории войска Донского [26], собрав их к концу года в отдельную книгу [27].

Тем не менее переписка между Граббе и Военным министерством на тему освещения казачьих вопросов в прессе была продолжена и в 1864 г. Поводом для нее послужила статья «Об условиях владения землями в войске Донском» в «Русском вестнике» [28] полковника П.А. Кузьмина, который, судя по всему, в это время занимался межевыми работами на Дону. Мы располагаем только несколькими письмами из данной переписки, но, как мы убедимся далее, без их анализа картина восприятия министром Д.А. Милютиным, его помощником Н.И. Карлгофом и атаманом П.Х. Граббе донских событий 1862–1863 гг. была бы неполной. Не вдаваясь в подробности содержания всей статьи Кузьмина, приведем из нее одну характерную цитату, вызвавшую наибольший резонанс: «...партизаны замкнутости мечтают об отдельности заведования краем, об устранении подчинения разных отраслей соответствующим министерствам и об устройстве внутреннего управления наподобие Великого Княжества Финляндского и Царства Польского» [29]. К ней добавим также мнение Кузьмина о том, что «если права дворянства распространены на донских чиновников, то почему же не освобождены они от обязательной службы, весьма близкой к крепостному состоянию, от которого избавлены и крестьяне» [30].

Как можно догадаться, прямое обвинение отдельных представителей казачества в сепаратизме, разве что без употребления самого слова, а также сравнение казачьей службы с крепостным правом не могло не вызвать у части казаков недовольства. Именно об этом сообщил Граббе в конфиденциальном письме (исходя из его смысла – ответном) к Милютину от 3 июня 1864 г. В нем он также написал о своем несогласии с разделяемым Милютиным утверждением Кузьмина о существовании на Дону «партии, мечтающей будто бы о сепаратизме вроде Финляндии и даже Польши». В то же время Граббе допустил, что «могут быть, как и везде, отдельные лица с нелепыми понятиями и мечтами, но о массах судят по преобладающим стремлениям, а не по частным. Подобной партии здесь не было и нет». Далее, атаман с сожалением констатировал отказ Милютина «переместить» полковника Кузьмина за пределы ЗВД, из чего можно предположить, что переписку начал Граббе с предложением удалить автора резонансной статьи, «оскорбившей народное чувство» [31]. Письмо атамана Милютин внимательно прочитал с карандашом в руке, делая пометки на его полях. Несмотря на конфиденциальный характер письма, Милютин передал его для ознакомления Карлгофу (!), который не замедлил высказать свое мнение о нем. Здесь следует напомнить, что Н.И. Карлгоф вместе со своим заместителем А.П. Чеботаревым как руководители УИВ занимались непосредственной разработкой и претворением в жизнь планов Военного министерства в отношении казачьих войск. К их рассуждениям прислушивался Д.А. Милютин, от их позиции зависело решение тех или иных текущих вопросов жизнедеятельности казачества. Карлгоф весьма скептически отозвался о словах Граббе, заметив, что: «почти 2 года донские ведомости были постоянным проводником этих мечтаний... [Это] нельзя приписать случайному набору статей в одном духе, и потому с убежденностью можно полагать, что газета находилась в руках партии, довольно значительной и имевшей поддержку в высших слоях общества, без него она не могла бы долго удержаться в своем распоряжении газету. Едва ли можно сомневаться и в том, что это направление газеты пользовалось сочувствием в массах, т.к. в 2 года не нашлось на Дону ни одного возразителя против статей этого направления» [32].

Также Карлгоф прокомментировал упомянутые Граббе вскользь прошедшие весной 1864 г. дворянские выборы на должности в войске Донском. Начальник УИВ с удовлетворением констатировал провал на выборах И.С. Ульянова и «других закоренелых в старых понятиях людей», что, по его мнению, привело к «большому перевороту в крае» [33]. Чуть позже Карлгоф принял самое непосредственное участие в подготовке ответного письма Милютина к Граббе от 9 июня 1864 г., отправленного на Дон под грифом «весьма секретно». Причем предлагаемые им формулировки некоторых фраз, особенно касающихся характеристики целей «партии замкнутости», были жестче, чем оказавшиеся в финальном варианте письма. На наш взгляд, данное письмо отражает окончательную оценку представителями центральной власти прошедшей дискуссии среди определенной части донского общества в 1862–1863 гг. и ее последствий.

С первых слов Милютин становится понятным, что для него совершенно неоспоримым является факт существования на Дону «партии, которая, опираясь на предания старины, упорно противодействует всякому правительственному распоряжению, не соответствующему ее мечтам о какой-то воображаемой автономии и самостоятельности Донского Войска». Далее он напоминает Граббе, как эта «партия» распространила свое влияние на «Донские ведомости», как на ее страницах стали появляться «неприличные» статьи, на которые вскоре обратили внимание «публика в столицах, и даже Государь Император», и как был положен конец «нелепым толкам... простым прекращением печатания всяких неофициальных статей». Единственно, в чем соглашается Милютин с Граббе, так это в «верноподданнической преданности» престолу большинства донского казачества. Основной же посыл письма заключался в «просьбе» Милютин к Граббе о том, чтобы им «впредь не было допускаемо ни малейшего расслабления относительно тех лиц, которые вздумали бы снова возбуждать толки о возвращении к старинным порядкам казачества, об охране мнимой автономии войсковой, об исключительных правах на самоуправление, как, например, о восстановлении войскового круга, даже о выборном наказном атамане». Наконец, Милютин остался непреклонным в удовлетворении желания Граббе убрать полковника Кузьмина с донской земли, объясняя свое решение тем, что удаление автора скандальной публикации «имело бы вид послабления в угоду той партии, которая одна могла признать для себя обидными статьи этого штаб-офицера» [34].

Однако здесь военный министр сильно лукавил. Судя по всему, Д.А. Милютин давал личные указания П.А. Кузьмину по поводу появления в печатном виде его записки «Об условиях владения землями в войске Донском», а также участвовал в корректировке ее содержания в сторону смягчения некоторых формулировок. Для связи с полковником были даже задействованы Карлгоф с Чеботаревым [35]! Как нам кажется, цель этой «операции», начавшейся в ноябре 1863 г., заключалась в окончательной компрометации донской «оппозиции», а также в заострении внимания Граббе на положении дел в печати, т.к. его медлительность в принятии запретительных мер в отношении «Донских ведомостей» нервировала и беспокоила Военное министерство. Таким образом, для Милютин было рискованно так просто отказаться от своего тайного «корреспондента». Это могло привести к непредсказуемым последствиям и даже, возможно, к огласке всего дела, в случае неадекватной реакции Кузьмина на репрессии.

Эпизод с публикацией статьи Кузьмина являлся, пожалуй, последним в истории бурного обсуждения в печати актуальных вопросов развития казачества, в том числе требований сохранения традиционных прав и привилегий казаков. К моменту ее размещения на страницах катковского «Русского вестника» уже был «выслан» за пределы ЗВД князь А.М. Дондуков-Корсаков, Военное министерство разрешило выборным депутатам от войска Донского участвовать в работе комитета по пересмотру войскового положения, польское восстание вызвало очередную волну патриотического подъема донского казачества, его верноподданнические чувства укрепил приезд на Дон наследника престола, а однозначную лояльность обеспечила Высочайшая грамота от 8 сентября 1863 г., подтвердившая «все права и преимущества» казачества и «нерушимость настоящего образа его служения», наконец, были введены цензурные ограничения для ДВВ. Все эти события в совокупности «успокоили» общественно-политическую ситуацию на Дону. Нам неизвестны итоги переписки Милютин с Граббе из-за литературной деятельности Кузьмина, так же как неясна и его дальнейшая личная судьба. Но статья полковника стала своеобразной вершиной тенденциозного, как считала часть современников, особенно донского происхождения, освещения отношения донского казачества к своей истории, традициям и преобразовательным планам правительства. Размышления Кузьмина, в числе прочих обстоятельств, вполне могли придать уверенности И.И. Краснову в том, чтобы обвинить столичную читающую публику в неправильном понимании «образа мысли донских жителей», тем самым отведя от себя возможные подозрения в разжигании истерии по поводу публикаций в «Донских ведомостях». В уже упомянутой нами статье «Местный патриотизм в Донском войске» [36] Краснов все усилия сосредоточил на доказательствах того, что под «сепаратизмом», найденным на Дону, как оказывается, после польских событий, на самом деле скрывался всего лишь не совсем правильный «патриотизм». Мысль о неадекватности рассуждений столичных журналистов по поводу намерений казачества,

заявленных в «Донских ведомостях», распространялась и крепла в определенных кругах донского общества постепенно. Так, А.А. Карасев, основатель первой частной газеты в ЗВД – «Донского вестника», размещая объявление в «Русском инвалиде» о начале издания своей газеты с 1 июля 1866 г. в Новочеркасске, пока еще задавался вопросом, не находя на него ответ: «Откуда и на основании каких фактов могли возникнуть суждения о донском сепаратизме, о нежелании казаков распространения у них грамотности и о не сочувствии их либеральным реформам нашего правительства?» [37] Но уже в 1869 г. редакция «Донского вестника», а в ее состав помимо А.А. Карасева входили также А.М. Савельев и знакомый нам Х.И. Попов, вполне уверенно заявила, что «в желании удержать некоторые из лучших старинных казачьих постановлений и заключались все заветные стремления казакоманов, как их обозвали тогда прогрессисты. О полной же замкнутости и отчуждении тут и не было речи. Донской сепаратизм существовал только в воображении “Московских ведомостей”» [38].

Выводы

Однако пора подвести итоги. В самом начале статьи мы заявили о том, что хотели бы дополнить фактическим содержанием феномен «казакоманства» и уточнить его некоторые детали. Получилось ли решить поставленную задачу, не нам судить. Но кажется, нам удалось показать казакоманство на Дону начала 1860-х гг. как сложное и нелинейное явление в событийной канве с чередой как очевидных утверждений, так и явных предположений из-за недостаточности источниковой базы.

К очевидному факту следует отнести ведущую роль князя А.М. Дондукова-Корсакова в общественном подъеме на Дону в конце 1850-х – начале 1860-х гг. Весьма вероятно, что застольные дискуссии и печатная полемика произошли бы вполне и без князя. Но все же неординарность личности А.М. Дондукова-Корсакова отразилась на глубине, направленности и темпераментности случившегося общественного подъема. Определенный тон ему задавала «Записка о войске Донском», т.к., даже если допустить, что она могла не получить широкого распространения на Дону, о ее содержании или основополагающих темах наверняка знали многие местные чиновники и «интеллектуалы», но что особенно важно, о ней точно знал военный министр Д.А. Милютин. И не просто знал, а еще имел возможность более глубоко вникнуть в ее идеи, благодаря личным беседам с А.М. Дондуковым-Корсаковым, категорически не согласиться с ними и с этим чувством несогласия принимать затем все важные решения по донским делам начала 1860-х гг.

Деятельность А.М. Дондукова-Корсакова, планы и мероприятия Военного министерства, а также работа местного комитета по пересмотру войскового положения создали условия для массового вовлечения казачества от простых станичников до представителей дворянства в обсуждение актуальных вопросов социально-экономического и правового развития прежде всего войскового сословия, а также ЗВД в целом. Конечно, для явного доказательства массовости не хватает релевантных количественных данных, но многочисленных примеров прямого и косвенного участия казачества в различных дебатах, на наш взгляд, достаточно, чтобы увидеть в донских событиях начала 1860-х гг. беспрецедентный, по крайней мере для XIX в., случай масштабной мирной казачьей активности в общественном пространстве. Заметим, что в прошлых столетиях похожая активность, как правило, перерастала в вооруженное сопротивление.

Отсутствие консолидированной позиции по отношению к собственной истории и перспективам развития разделило донских казачьих «интеллектуалов» по «партиям», в терминологии современников, что также является неоспоримым фактом. О содержании «партийных программ» мы узнаем в первую очередь из периодической печати. Однако не стоит переоценивать роль печатных дискуссий, т.к. значительная доля разногласий обнаруживалась в иной сфере – от частной переписки до разговоров на улицах. Результаты таких неформальных бесед, несомненно, отражались в текстах, участвуя в формировании дискурса, в нашем случае понимаемого как группы высказываний, связанных между собой по смыслу. Причем смысл социально-экономических высказываний / требований одной из «партий» достаточно прозрачен и обязательно связан с соблюдением властью традиционных казачьих прав и привилегий. Цели и задачи противоположенной «партии», кажется, также лежат на поверхности, но все же имеют двойное дно в виде обвинений своих

противников в исповедовании «автономизма», которое благодаря «интригам» быстро превратилось в «сепаратизм».

Если череда донских событий 1861–1863 гг., осмысленных в рамках формальной логики, укладывается в относительно понятную картину, то с ее оценкой и помещением в широкий контекст дело обстоит гораздо сложнее, тем более что мы к этому редко обращались в самой статье. Известный среди казаковедов историк, а сейчас и политолог С.М. Маркедонов следующим образом высказался по интересующей нас теме: «Среди казаков сер. XIX в. развивается особый “казачий национализм”, казакманство, отличительной чертой которого было признание “казаков выше русских”. Однако у этого явления сугобо политические корни: оно было вызвано недовольством давления Центра на окраины. Стремление Центра доминировать над Войском Донским с начала XVIII в. привело к уничтожению многих демократических институтов казачества, к превращению его в замкнутую касту воинов. Ответом на вызов Центра и стало “казакманство”. Интересно, что “казакманы”, подчеркивая свое отличие от русских, отмечали преобладание в своих рядах тюрков, кавказцев, монголов. То есть даже в националистической идеологии воспроизводилось понимание казачества как явления полиэтнического» [39]. На наш взгляд, с Маркедоновым можно согласиться, пожалуй, только тогда, когда он характеризует политику Центра в отношении казачества как желание доминировать. Остальные утверждения Маркедонова слишком категоричны и спорны. Однако мы также не устоим от соблазна попытаться оценить донское казакманство в терминологическом поле наиболее популярных авторов по теории национализма. Тем более что сами современники описываемых событий буквально подсказывают направления таких размышлений. Так, И.И. Краснов почти в духе Э. Хобсбаума [40] призывал не «изобретать» для казачества отдельную «народность». После прочтения И.И. Краснова (Красновых) может возникнуть впечатление в уверенности автора(ов) в том, что процесс «изобретения» казачьей «народности» («расы», «нации»), который, как уверены авторы, происходит на их глазах, противоречит историческому опыту казачества и опасен с точки зрения стабильного функционирования империи. И.И. Краснов, не снимая ответственности с Центра, убеждает читателя в местном происхождении этих идей. Он прямо обвиняет в этом «партизан замкнутости» или «казакманов». Правда, затем Краснов в изобретательстве увидел всего лишь проявление «донского патриотизма», неправильно интерпретированного.

А.А. Карасев пошел еще дальше, приписав существование «донского сепаратизма» «воображению “Московских ведомостей”» (как будто подтверждая идеи Б. Андерсона [41]), подразумевая под этим вымысел, придуманный (а мы добавим, сфабрикованный) в первую очередь в Центре.

Если быть серьезнее, то общественно-политический подъем с казакманским оттенком на Дону в начале 1860-х гг. совпал с активизацией украинофильского движения в соседней Малороссии, ставшего предтечей украинского национализма. Специалисты по истории Украины XIX в. хорошо знают о «валуевском циркуляре» (ограничил издания «малорусской литературы») и о поездке осенью 1863 г. флигель-адъютанта полковника Н.В. Мезенцева в южные губернии для оценки опасности для империи со стороны развивающейся малороссийской пропаганды [42]. Здесь параллель с командировкой Н.В. Мезенцева в ЗВД в январе 1863 г. и «репрессиями» в адрес «Донских ведомостей» совершенно очевидна. Более того, в словообразовании «казакман/казакманство», на наш взгляд, прослеживается явное заимствование от «хлопоман/хлопоманство», которым польская шляхта в середине XIX в. уничижительно обозначала украинских активистов народнического толка. Однако любые аналогии и сравнения, претендующие на солидность, должны быть подкреплены соответствующим историческим материалом. В отношении донского казакманства с точки зрения «национального», «сепаратистского» движения такого материала пока еще недостаточно, а может быть, его и не существует вообще в требуемом объеме применительно к середине XIX в.

Вместе с работами Краснова и Карасева тексты И.С. Ульянова, А.А. Леонова и особенно «программа» казачьих требований Х.И. Попова дают определенный повод вписать общественно-политическое движение на Дону начале 1860-х гг. в начальную «стадию А» процесса формирования нации по М. Хроху [43]. Однако нам кажется, что для донского

казачества упомянутые авторы все же не стали, как для украинского национального движения своими Костомаровыми, Кулишами, Шевченко, Антоновичами и Драгомановыми.

Благодарности. Автор выражает искренние слова признательности за высказанные ценные замечания и советы О.М. Морозовой, А.Ю. Перетягько и А.Ю. Турановой.

Примечания:

1. Краснов И.И. О народности в войске Донском // Военный сборник. 1862. № 4. С. 343–356.
2. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 203 (архив А.В. Каульбарса). Оп. 1. Д. 35. Материалы А.П. Чеботарева.
3. Краснов И.И. Местный патриотизм в Донском войске // Современная летопись. 1865. № 16.
4. Краснов И.И. Местный патриотизм в Донском войске...
5. Леонов А.А. Как поступали в казаки? // Донские войсковые ведомости (далее – ДВВ). 1862. № 39, 40.
6. Артинский И. Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск: ОВД типография, 1907. С. 384–385.
7. Леонов А.А. Войсковой круг // ДВВ. 1862. № 26, 27.
8. Катков М.Н. К какой принадлежим мы партии? // Русский вестник. 1862. Т. 37, февраль. XII. С. 832–844.
9. Леонов А.А. Войсковой круг...
10. Леонов А.А. Как поступали в казаки?...
11. Леонов А.А. Как поступали в казаки?...
12. Библиография // Военный сборник. 1863. № 3. С. 184–185.
13. К. Письма с Дона // Русский инвалид. 1863. № 4.
14. К. Письма с Дона...
15. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: в 7 т. / под ред. Л.Г. Захаровой и др. Т. 1: 1816–1843. М.: Студия «ТРИТЭ»: Российский архив, 1997. С. 19.
16. Алфавитный указатель статей, помещенных в неофициальной части Донских областных ведомостей, с 1852 по 1876 год / сост. И.И. Струков. [Б.м.], 1876. С. 105.
17. Х.П. Мысли казака о казачестве по поводу современных слухов // ДВВ. 1863. № 20.
18. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 41–43.
19. Х.П. Мысли казака о казачестве по поводу современных слухов...
20. Государственный архив Ростовской области. Ф. 243. Оп. 1. Д. 34. Л. 176.
21. Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2010. С. 23, 46.
22. Данцев А.А. Из истории сооружения в 60-х годах XIX века железной дороги у Новочеркаска // Краеведческие записки: сборник научных трудов. Новочеркасск: Ростов-офсет-принт, 2002. С. 37–41.
23. РГВИА. Ф. 330. Оп. 7. Д. 109. Л. 10 об.
24. РГВИА. Ф. 330. Оп. 7. Д. 109. Л. 23, 27 об–28.
25. РГВИА. Ф. 330. Оп. 7. Д. 109. Л. 30.
26. Алфавитный указатель статей, помещенных в неофициальной части Донских областных ведомостей... С. 31–41.
27. Прянишников И.П. Материалы для истории Войска Донского. Грамоты. Новочеркасск: Войсковая типография, 1864. 333 с.
28. Кузьмин П.А. Об условиях владения землями в войске Донском // Русский вестник. 1864. № 49, 50.
29. Кузьмин П.А. Об условиях владения землями в войске Донском...
30. Кузьмин П.А. Об условиях владения землями в войске Донском...
31. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 169. Карт. 62. Ед. хр. 33. Л. 1–10б.
32. ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 64. Ед. хр. 76. Л. 13–13об.
33. ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 64. Ед. хр. 76. Л. 14.
34. ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 52. Ед. хр. 1. Л. 15–16об.
35. РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.
36. Краснов И.И. Местный патриотизм в Донском войске...
37. Русский инвалид. 1866. № 93. 15 апреля.
38. Донской вестник. 1869. № 4. 27 января

39. Маркедонов С.М. Донское казачество: феномен межцивилизационного диалога // *Общественные науки и современность*. 1997. № 2. С. 189.
40. Hobsbawm E. *Introduction: Inventing Traditions // The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 1–14.
41. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. London; New York: Verso, 2006. 240 p.
42. Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб.: Алетейя, 2000. С. 76–115.
43. Hroch M. *European Nations: Explaining Their Formation / translated by K. Graham*. London; New York: Verso, 2015. 336 p.

References:

1. Krasnov I.I. O narodnosti v voyske Donskom // *Voennyi sbornik*. 1862. № 4. S. 343–356.
2. Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv (dalee – RGVIA). F. 203 (arkhiv A.V. Kaulbarsa). Op. 1. D. 35. Materialy A.P. Chebotareva.
3. Krasnov I.I. Mestnyy patriotizm v Donskom voyske // *Sovremennaya letopis*. 1865. № 16.
4. Krasnov I.I. Mestnyy patriotizm v Donskom voyske...
5. Leonov A.A. Kak postupali v kazaki? // *Donskie voyskovye vedomosti (dalee – DVV)*. 1862. № 39, 40.
6. Artinskiy I. Ocherk istorii Novocherkasskoy voyskovoy gimnazii. Novocherkassk: OVD tipografiya, 1907. S. 384–385.
7. Leonov A.A. Voyskovoy krug // *DVV*. 1862. № 26, 27.
8. Katkov M.N. K kakoy prinadlezhim my partii? // *Russkiy vestnik*. 1862. T. 37, fevral. XII. S. 832–844.
9. Leonov A.A. Voyskovoy krug...
10. Leonov A.A. Kak postupali v kazaki?...
11. Leonov A.A. Kak postupali v kazaki?...
12. Bibliografiya // *Voennyi sbornik*. 1863. № 3. S. 184–185.
13. K. Pisma s Dona // *Russkiy invalid*. 1863. № 4.
14. K. Pisma s Dona...
15. Vospominaniya general-feldmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina: v 7 t. / pod red. L.G. Zakharovoy i dr. T. 1: 1816–1843. M.: Studiya “TRITE”: Rossiyskiy arkhiv, 1997. S. 19.
16. Alfavitnyy ukazatel stately, pomeshchennykh v neofitsialnoy chasti Donskikh oblastnykh vedomostey, s 1852 po 1876 god / sost. I.I. Strukov. [B.m.], 1876. S. 105.
17. Kh.P. Mysli kazaka o kazachestve po povodu sovremennykh slukhov // *DVV*. 1863. № 20.
18. Kornienko B.S. *Pravyy Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914)*. SPb.: Izdatelstvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. S. 41–43.
19. Kh.P. Mysli kazaka o kazachestve po povodu sovremennykh slukhov...
20. Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti. F. 243. Op. 1. D. 34. L. 176.
21. Morozova O.M. Tsari, kazaki, krasnye komandiry... Sem ocherkov v zhanre istoriko-psikhologicheskogo portreta. Rostov n/D: Izdatelstvo YuNTs RAN, 2010. S. 23, 46.
22. Dantsev A.A. Iz istorii sooruzheniya v 60-kh godakh XIX veka zheleznoy dorogi u Novocherkasska // *Kraevedcheskie zapiski: sbornik nauchnykh trudov*. Novocherkassk: Rostov-ofset-print, 2002. S. 37–41.
23. RGVIA. F. 330. Op. 7. D. 109. L. 10 ob.
24. RGVIA. F. 330. Op. 7. D. 109. L. 23, 27ob–28.
25. RGVIA. F. 330. Op. 7. D. 109. L. 30.
26. Alfavitnyy ukazatel stately, pomeshchennykh v neofitsialnoy chasti Donskikh oblastnykh vedomostey... S. 31–41.
27. Pryanishnikov I.P. Materialy dlya istorii Voyska Donskogo. Gramoty. Novocherkassk: Voyskovaya tipografiya, 1864. 333 s.
28. Kuzmin P.A. Ob usloviyakh vladeniya zemlyami v voyske Donskom // *Russkiy vestnik*. 1864. № 49, 50.
29. Kuzmin P.A. Ob usloviyakh vladeniya zemlyami v voyske Donskom...
30. Kuzmin P.A. Ob usloviyakh vladeniya zemlyami v voyske Donskom...
31. Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (dalee – OR RGB). F. 169. Kart. 62. Ed. khr. 33. L. 1–1ob.
32. OR RGB. F. 169. Kart. 64. Ed. khr. 76. L. 13–13ob.
33. OR RGB. F. 169. Kart. 64. Ed. khr. 76. L. 14.
34. OR RGB. F. 169. Kart. 52. Ed. khr. 1. L. 15–16ob.
35. RGVIA. F. 330. Op. 1. D. 3. L. 13.
36. Krasnov I.I. Mestnyy patriotizm v Donskom voyske...
37. *Russkiy invalid*. 1866. № 93. 15 aprelya.

38. Donskoy vestnik. 1869. № 4. 27 yanvaryaya
39. Markedonov S.M. Donskoe kazachestvo: fenomen mezhtsivilizatsionnogo dialoga // Obschestvennye nauki i sovremennost. 1997. № 2. S. 189.
40. Hobsbawm E. Introduction: Inventing Traditions // The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 1–14.
41. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. London; New York: Verso, 2006. 240 p.
42. Miller A.I. "Ukrainskiy vopros" v politike vlastey i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX veka). SPb.: Aletyya, 2000. S. 76–115.
43. Hroch M. European Nations: Explaining Their Formation / translated by K. Graham. London; New York: Verso, 2015. 336 p.

УДК 94(47).081

Казакоманство. Донской случай (1860-е гг.). Часть III

Алексей Александрович Волвенко

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Российская Федерация
347936, Ростовская область, Таганрог, улица Инициативная, 46
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: avolvenko@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются знаковые для «казакоманства» тексты И.И. Краснова, А.А. Леонова, Х.И. Попова, в которых затрагивается проблема «казачьей народности». Раскрываются детали переписки военного министра Д.А. Милютина с войсковым наказным атаманом П.Х. Граббе по поводу «захвата» «Донских ведомостей» «партией замкнутости». Подводятся итоги исследования.

Ключевые слова: «казачья народность», иногородние, войсковой круг, донской сепаратизм.